

О ПРОБЛЕМАХ ЭТИМОЛОГИЗАЦИИ СЛОВ МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ*

При этимологизации слов современных монгольских языков перед исследователем встает сразу несколько проблем, связанных с рядом существенных моментов. Прежде всего, монгольские языки образуют семью монгольских языков и, тем самым, все наследуют основные черты строя общемонгольского языка, выраженные в общих элементах не только в фонетике и грамматике, но и в словарном составе, в наличии ядра общемонгольской лексики. Кроме того, при наличии заимствованных элементов, проникших в монгольские языки еще на общемонгольском уровне, они в основном сохраняются и в современных монгольских языках. Далее. В длительном процессе распада общемонгольской языковой общности и формирования современных монгольских языков на промежуточных стадиях образовывались языковые ареалы, в рамках которых и происходило формирование современных монгольских языков. Первоначально - восточного и западного ареалов.

Восточный ареал был связан, видимо, с киданьским этносом. Языком-потомком этого ареала считается современный дагурский язык. Предварительные сравнительно-исторические исследования монгольских языков и диалектов данного ареала показывают, что традиционные монгольские языки северо-восточного ареала Центральной Азии, который в общих чертах соответствует географической зоне Внутренней Монголии КНР, помимо сильного китайского влияния имеют явные следы не менее сильного влияния

*Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант № 05-04-04174 а).

тунгусо-маньчжурских языков, особенно заметно это влияние в дагурском языке [Рассадин 2004:143].

Западный ареал представлял первоначально языки тех монгольских племен, которые перемещались на запад, в сторону Центральной Азии, где вступали во взаимодействие с обитавшими там тюркскими племенами. Во взаимодействие вступали, соответственно, и языки. Данный ареал впоследствии распался на северо-западный и юго-восточный. При этом северный ареал составляли языки монгольских племен, получивших название *шивей*. В недрах этого ареала формировались современные баргу-бурятские, ойратские и халха-монгольские языковые группы. В южном ареале формировались языки, легшие в основу современных монгольских языков Внутренней Монголии КНР - чахарский, хорчинский, харчинский, бааринский, ордосский и т.п.

Такое различие в результатах влияния внешнего воздействия на развитие монгольских языков в разных их ареалах - в северном и северо-западном, охватывающем ойратские языки и диалекты, бурятский и халха-монгольский языки, значительным оказывается тюркское влияние, в северо-восточном - тунгусо-маньчжурское - может получить неожиданное объяснение историческими причинами: различиями в эволюционных процессах этногенеза разных монгольских этнических групп. Так, специалистом по этногенезу народов Центральной Азии П.Б. Коноваловым [1999; 2002] выдвигается достаточно обоснованная гипотеза о наличии двух ветвей монгольского этногенеза. В одной из своих работ он приходит к следующему выводу: «... Заслуживает особого внимания тезис об этническом ядре хунну, происходящем из южноманьчжурского этнокультурного очага ..., шире - из обширного маньчжурско-восточномонгольского хуского этнического субстрата, который после образования западнее от него в районе Ордоса и прилегающих земель хуннской группировки племен стал называться дунхуским, т.е. восточнохуским. Это событие явилось результатом длительного исторического процесса контактов восточных и западных этносов юга Центральной Азии, которые и зафиксировала китайская историография задолго до образования Хуннской степной державы. По нашей интерпретации, это было фиксацией процесса

образования двух линий развития этносов, которых мы называем двумя ветвями. Дальнейшая история Центральной и отчасти Восточной Азии показывает, что монгольские этносы в каждой из ветвей развивались по-разному, т.е. до известной степени в разных исторических контекстах. Обозримые пути их этнического развития связаны с судьбой таких этносов и этнополитических образований, как: в дунхуской ветви - ухуань, сяньби, муюн, тоба, хи, шивэй, кидань, татар, дагур; в хуннуской ветви: гаогюй, теле, хойху, тукю (ашина), аша (тогон), огуз, уйгур (ойхор), кэрэит, монгол, джунгар. В каждой ветви происходили межэтнические взаимодействия: монгольско-тунгусские в дунхуской, монгольско-тюркские в хуннуской, в каждой из них происходили свои процессы этнотрансформации - этноэволюции» [Коновалов 2002: 64].

Этими причинами объясняется, по нашему мнению, наличие огромного количества тюркизмов в ойратском, бурятском и халха-монгольском языках, и тунгусо-маньчжуризмов в монгольских языках и диалектах Внутренней Монголии Китая.

Отдельную историю формирования представляют собой так называемые периферийные монгольские языки - могольский (язык афганских моголов), монгорский, баоаньский, дунсянский и язык желтых уйгуров (КНР). Эти языки образовались в послеюаньский период, после распада монгольской империи Юань. На их формирование сильное влияние оказали тибетский язык и китайские диалекты, с которыми в течение многих столетий, начиная с XIII-XIV вв., контактировали языки тех монгольских племен, которые в качестве военной силы сопровождали монгольских наместников, управлявших завоеванными провинциями. После распада империи Юань эти монгольские племена остались на завоеванных прежде землях и частично смешались с местным населением, частично сохранились, удержав тот вариант средневекового монгольского языка, на котором говорили их предки в ту отдаленную юаньскую эпоху. Лишенные в течение многих столетий контактов с коренными монгольскими племенами, эти «периферийные» монголы сохранили в своих языках многие черты средневековых монгольских языков.

Таким образом, как мы видим, современные бурятский, ойратский и халха-монгольский языки имеют своего единого языка-предка, что необходимо учитывать при этимологизации слов современных монгольских языков северо-западного ареала.

Необходимо учитывать также и то, что в процессе своего длительного формирования монгольские языки испытывали влияние со стороны различных языков, как родственных, так и неродственных - тюркских, тунгусо-маньчжурских, китайского, тибетского, иранских, что нашло свое выражение в наличии разнообразных заимствований из этих языков. Само собой разумеется, что эти элементы не могут быть этимологизированы на почве монгольских языков, поскольку образованы по собственным языковым моделям. Поэтому одной из основных проблем этимологизации слов монгольских языков является выявление заимствованных элементов и исключение их из процесса этимологизации. В то же время в ряде случаев выявить ранние заимствования удастся только после определения праформ слов. В этой связи немаловажной проблемой является определение заимствованного характера слова, что можно сделать только опираясь на достаточно четкие критерии, особенно если это касается заимствований в разные эпохи из родственных языков, каковыми считаются алтайские языки. Поэтому зачастую довольно трудно определить истинный характер этимологизируемого слова - является ли оно исконно монгольским или заимствовано либо из тюркских языков, либо из тунгусо-маньчжурских. При этимологизации слов монгольских языков эту проблему придется решать постоянно, так как алтайские языки развивались в течение многих столетий (если не тысячелетий) во взаимодействии на достаточно ограниченной территории Центральной Азии.

Кроме того, при установлении происхождения того или иного бурятского, ойратского или монгольского слова необходимо учитывать и те фонетические законы, по которым происходило историческое развитие звукового строя этих языков и согласно которым изменялось и исследуемое слово, и его праформа.

Изучение иноязычного влияния на развитие монгольских языков в отечественном монголоведении началось давно. Так,

еще акад. Б.Я.Владимирцов издал ряд основополагающих работ, в которых положил начало изучению иноязычных элементов в монгольских языках: тюркских [1911: 153-184], арабских [1930: 73-82], иранских [1925: 331-340]. О том, что эти работы и до сих пор не утратили своего большого значения для сравнительно-исторической монголистики, писал в свое время Г.Д. Санжеев [1958: 22-28].

Работа по выявлению иноязычного влияния на монгольский язык велась и в самой Монголии, результатом чего является ряд статей, а также кандидатских диссертаций, в которых изучены, например, тибетские [Жамбалсүрен 1961] и санскритские [Сухбаатар 1992] элементы в монгольском языке. Результаты подобных исследований подытожены в «Словаре иностранных слов монгольского языка» [Сухбаатар 1999], включающем около 1100 слов, вошедших в монгольский язык из других языков. Теперь, опираясь на этот словарь, стало возможным уточнить круг собственно монгольских элементов в качестве материала для этимологических изысканий.

Если выявление заимствований из иноструктурных языков, как, например, из арабского, тибетского, китайского, индоевропейских, в том числе из санскрита и русского, в общем-то не представляют особых затруднений, то определение слов и грамматических элементов, взятых из родственных алтайских языков, является делом трудным. Хотя тюрко-монгольскими языковыми отношениями занимались многие, но лишь у отдельных исследователей можно найти критерии, согласно которым они отличают тюркские слова от монгольских. При этом только у А.Рона-Таша находим более или менее четкие критерии выделения явных тюркизмов в монгольских языках, причем, относящихся к разным эпохам развития тюркских языков [Рона-Таш 1974]. Среди последних работ по установлению подобных критериев можно назвать исследование С.С. Харьковской [1988: 75-82]. Нами были предложены критерии установления явных монголизмов среди тюрко-монгольской языковой общности, т.е. стало возможным отграничить монголизмы от тюркизмов [Рассадин 1980: 5-7]. Проводилась нами работа и по выявлению тюркских лексических элементов в монгольских языках [Рассадин 1970: 52-58; 1983: 70-89], а также общие проблемы тюрко-монгольских языковых отношений [2004; 2005].

Менее всего изучены взаимоотношения монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Из отечественных работ здесь следует назвать основополагающее исследование Г.Д.Санжеева, посвященное выявлению общих элементов монгольского и маньчжурского языков [Санжеев 1930], где он сопоставил не только их общие лексемы, но и фонетические и морфологические элементы. Бурятско-эвенкийских этнических и языковых связей касался и Ц.Б. Цыдендамбаев [1978]. Нами тоже было высказано свое мнение о наличии тунгусо-маньчжурских элементов в монгольских языках [Рассадин 1989: 145-152]. Историческими связями бурятского и эвенкийского языков специально занималась Г.Н. Чимитдоржиева [2002; 2003; 2004].

Работа по выявлению иноязычного влияния на бурятский язык проводилась и в Бурятии. Здесь, прежде всего, следует назвать исследование Ц.Б.Цыдендамбаева, в котором он установил тюркизмы, китаизмы, тибетизмы, маньчжуризмы и эвенкизмы, а также русизмы, составившие специфику языка дореволюционных бурятских исторических хроник и родословных [1972: 463-553]. Тюркизмы, эвенкизмы, монголизмы, тибетизмы и русизмы в современных бурятских диалектах выявил С.Б.Будаев [1978: 172-211]. Можно назвать также отдельные статьи, посвященные определению тех или иных иноязычных элементов в современном бурятском языке: русских [Цыдендамбаев 1978а: 49-54; Дондуков 1974], тибетских [Хазуев 1978: 96-107], эвенкийских [Цыдендамбаев 1978: 79-95; 1981: 70-91; Рассадина 1987: 178-183; 1989: 145-152], тюркских [Рассадин 1969: 129-134; 1987: 170-178; 1988а: 62-75]. Нами тоже делались попытки выявления иноязычных элементов в бурятских говорах [Рассадин 1977, 1985, 1988, 1992, 1996: 132-158; 1999: 141-148]. При рассмотрении отдельных лексико-семантических пластов бурятской лексики в сравнительно-историческом освещении мы обращали внимание и на тюркское и на тунгусо-маньчжурское влияние [Рассадин 1981, 1984, 1987а].

При этимологическом изучении собственно монгольской лексики нами обращалось внимание на некоторые проблемы, которые при этом необходимо было решать [Рассадин 1995, 1997, 1997а]. Эти же в принципе проблемы встают и при этимологизации слов других монгольских языков, например,

бурятского языка, который сохраняет общемонгольские словообразовательные модели, и в котором тоже действовали исторические общемонгольские фонетические процессы [Рассадин 1982: 115-165]. Таким образом, лексемы общемонгольского характера удастся этимологизировать только на общемонгольском уровне, учитывая как общемонгольские словообразовательные модели, так и общемонгольские закономерности исторического фонетического развития, как мы это продемонстрировали на примере этимологизации монгольского слова *загас* ‘рыба’ [Рассадин 1995а: 191-193]. Используя эту методику, можно этимологизировать многие слова, имеющие общемонгольский характер.

Так, например, возьмем для анализа бурятские слова общемонгольского характера *нюхан* ‘слизь из носа, сопли’ и *уһан* ‘вода’ со скрытой внутренней морфологической формой. В других монгольских языках им соответствуют: х.-монг. *нус*, *ус*, калм. *нусн*, *усн*, стп.-м. *nisun*, *usun* id. При этом в отношении внутренней морфологической структуры старомонгольские формы по сути дела совпадают с современными. Это может говорить лишь о том, что к моменту фиксации древнего монгольского языка уйгурским письмом более древние архетипы этих монгольских слов давно уже трансформировались и приобрели формы, близкие к современным. Однако анализ современных вариантов этих словоформ говорит, что бур. *нюхан*, например, может восходить именно к прототипу *nisun*, а х.-монг. *нус* и калм. *нусн* - к более архаичной форме **nisun* с твердоядным **i*, перед которым отсутствовала палатализация предшествующего согласного. Иначе говоря, здесь мы наблюдаем более ранний перелом древнего **i*, в то время как в бурятском - более поздний перелом, уже на стадии **i*, после того как произошло слияние **i* и **i* в одном *i*, перед которым уже развилась палатализация согласного в твердоядном слове.

Далее необходимо решить одну из основных проблем на начальном этапе этимологизации - установление гнезда однокоренных слов. При этом учитываются закономерности как фонетического развития, так и семантического. В случае со словом *нюхан* это будут: в бурятском языке *-нёсхой*:

нюхата нёсхой (фольк.) ‘сопляк’, *нёлбоһон* ‘слёзы, слеза; плевок; слюна’, *нёлбохо* ‘плеватель, плюнуть’, *нилар-нилар* - об ощущении слизи, скользкого, тягучего, *нилдайха* ‘быть клейкой и вязкой - о жидкости’, *нилдагар* ‘липкий, клейкий, тягучий; жидковатый - о тесте; мягкий, студенистый’, *нилсайха* ‘быть клейким или кашицеобразным, слизистым; быть приплюснутым’, *нилхагар* ‘студенистый; расплывшийся’, *нюлаг* ‘молоки у рыб’, *нюлгар* ‘слизистый, скользкий’, *нилсагай* ‘новорожденный’, *нилха* // *нялха* ‘новорожденный; дитя, младенец’; в халха-монгольском - *нусгай* ‘сопливый; сопляк; насморк’, *нулимс* ‘слёзы; слеза’, *нулимдас* ‘плевок’, *нулимах* ‘плеватель’, *нялладах* ‘прилипнуть друг к другу’ (взаимн. от *нялах* ‘размазывать’), *нялга* ‘молоки у рыб’, *нялганах* ‘быть липким, тестообразным’, *нялцайх* ‘быть клейким, слизистым’, *нялцагай* ‘липкий, клейкий, слизистый’, *нялцгар* ‘что-либо мягкое, тестообразное, слизистое’, *нялзрай* ‘новорожденный’, *нилха* ‘новорожденный’; в калмыцком - *нусха* ‘сопляк’, *нульмен* ‘слёзы; плевок’, *нульмх* ‘плеватель’, *нилх* ‘новорожденный’; в старописьменном монгольском языке - *nisuqai* ‘сопливый, сопляк’, *nilbuqu* // *nilmuqu* ‘плеватель’, *nilbusun* // *nilmusun* ‘слеза; слюна’, *nilbudasun* ‘плевок’, *nilγu* ‘молоки у рыб’, *nilčuyima* ‘немного клейкий, липкий’, *nilčuayaqu* ‘приклеивать’, *nilqa* ‘новорожденный’; в языке «Мукаддимат ал-Адаб» - *nilbusun* ‘слеза, слёзы’, *nilbuqui*, *nilbuba*, *nilbuqsan* ‘плевок’, *nilqa* ‘новорожденный’; в языке «Сокровенного сказания монголов» - *nisun* ‘сопли’, *nilbusun* ‘слёзы’, *nilqa* ‘новорожденный’; в языках монголов Внутренней Монголии КНР - *нус* // *нусу* ‘сопли’, *нулимс* // *нульмас* // *нулмусу* // *нолбос* // *нолмос* ‘слеза, слёзы’, *нялх* ‘новорожденный’; в дагурском языке - *нёмбос* ‘слеза’; в монгорском языке - *нилбусе* ‘слеза’, *нумпу* = ‘плеватель’, *нумпусе* ‘плевок; слюна’; в дунсянском языке - *нумбусун* ‘слюна’, *нигусун* ‘слеза’; в баоаньском языке - *нэмсон* ‘слеза’. Как можно видеть из всего приведенного выше материала, везде прослеживается в разных фонетических вариантах (*нил*=//*нёл*=//*нял*= // *нул*= // *нуль*- // *нол*= // *нём*= // *нум*= // *нэм*=) древний корень **nil*= с более архаичным вариантом ***nil*=, имевший, видимо, более общее значение ‘испускать слизь из носа или изо рта’, а также ‘испускать жидкость из глаз’. Поэтому значения производных слов неустойчивы по языкам и варьируют от ‘плевок’ до ‘слёз’, а также до любой липкой жидкости.

Учитывая закономерность выпадения сонантов **l* и **r* перед шумными согласными [Рассадин 1982: 153-156], действовавшую достаточно интенсивно в прошлом и живую ныне в ряде современных монгольских языков и диалектов (ср., например, стп.-м. *mölsön* > бур. *мульхэн*, х.-монг. *мөс*, калм. *мөсн* ‘лёд’; стп.-м. *moylsun* > х.-монг., вост.-бур. *мойл*, зап.-бур. *мойһон* ‘черёмуха’; стп.-м. *ayilčuin* > х.-монг. *айлчин*, вост.-бур. *айлиан*, зап.-бур. *айиан* ‘гость’; стп.-м. *manggir* // *manggirsun* > х.-монг., вост.-бур. *мангир*, зап.-бур. *маньяһан* // *маньдиһан* ‘дикий лук’), можно предположить, что и в словоформе **nīsun* перед **s* некогда был и затем закономерно выпал сонант **l*, который представлен в восстановленном выше нами архаичном корне ***nīl*=, от которого вполне могло быть образовано слово **nīlsun* со значением ‘выделения, слизь из носа’, что не противоречит семантике этого глагольного корня. Возможно, еще на стадии **i* архетип ***nīlsun* утратил **l* и преобразовался в **nīsun*, который затем перешел в *nīsun*. Таким образом, бур. *нюһан*, х.-монг. *нус* и калм. *нусн* вполне реально можно возвести к архетипу ***nīlsun* и включить в гнездо слов с корнем ***nīl*=.

Если взять гнездо слов: бур. *ундан* // *умдан* ‘питье, напиток’; х.-монг. *унд* // *умд* ‘напиток’, *ундаа* ‘напиток, питье’; калм. *ундаш* ‘жажда’, *умср* ‘влажный; талый - о снеге’, *умсрх* ‘увлажняться’; стп.-м. *umda* // *umdayan* ‘напиток; жажда’, а также общемонгольский глагол **umba*= ‘плавать в воде, плыть по воде’ (ср. стп.-м. *umbaqi* ‘плыть по воде’, х.-монг. *умбах* ‘брести по воде’, бур. *умбаха* ‘плавать, купаться; брести по воде или снегу’, дагур. *умпаа*=, дунс. *умба*= ‘купаться’), то здесь вычленяется пракорень **um*=, имеющий семантику ‘глотать воду, пить’. От этого корня, по всей вероятности, образовано слово **umsun* ‘вода’ (т.е. то, что пьют), давшее в современных монгольских языках рефлексy бур. *уһан*, х.-монг. *ус*, калм. *усн*, дунс. *усу* ‘вода’ и т.п. Таким образом, и здесь прослеживается закон выпадения сонантов, о котором сказано выше. О реальности предположения архетипа **umsun* для называния воды в древнемонгольском языке свидетельствует на алтаистическом уровне наличие тунгусо-маньчжурской параллели в виде глагола *от*= // *um*= ‘пить’ [Сравнит. словарь тунг.-маньчж. языков. Т. 2: 266].

Большой проблемой при этимологизации слов

монгольских языков явится вычленение пласта собственно бурятской, ойратской или монгольской лексики и выявление в нем заимствованных элементов.

Резюмируя все вышесказанное, хочется высказать надежду, что в настоящее время созданы все предпосылки для того, чтобы начать работу по этимологизации слов отдельных, наиболее изученных монгольских языков, поскольку выявление заимствованных элементов в бурятском, калмыцком и монгольском языках и их диалектах уже имеет некоторые положительные результаты, а проводимые нами изыскания по сопоставлению лексики монгольских языков и установлению пластов общемонгольской, региональной и специфической общебурятской, а также специфической бурятской диалектной лексики [Рассадин 1996: 91-160, 172-215; 1999, 91-148], по выявлению древнейших монгольских словообразовательных моделей и установлению закономерностей исторического фонетического развития монгольских языков тоже имеют результаты [Рассадин 1982; Бураев 1987; Дарбеева 1996], опираясь на которые, можно приступить к этимологическим исследованиям, например, бурятского или иного монгольского языка. Считаем, что это важнейшая ближайшая задача монгольского языкознания.

Литература

1. Будаев Ц.Б. Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. Новосибирск: Наука, 1978.
2. Бураев И.Д. Становление звукового строя бурятского языка. Новосибирск: Наука, 1987.
3. Бураев И.Д. Результаты языковых контактов в околбайкальском регионе // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. Новосибирск: Наука, 1989. С. 132-145.
4. Владимирцов Б.Я. Турецкие элементы в монгольском языке // Зап. Вост. Отд. ИРАО. СПб., 1911. Т. XX. Вып. II-III. С. 153-184.
5. Владимирцов Б.Я. Mongolica 1. Об отношении монгольского языка к индоевропейским языкам Средней Азии // Зап. коллегии востоковедов при Азиатском музее РАН. 1925. Т. 1. С. 331-340.
6. Владимирцов Б.Я. Арабские слова в монгольском // Зап. коллегии востоковедов при Азиатском музее РАН. 1930. Т. V. С. 73-82.
7. Дарбеева А. А. Историко-сопоставительные исследования по грамматике монгольских языков. Фонетика. М.: Наука, 1996.
8. Дондуков У.-Ж. III. Аффиксальное словообразование частей речи в

бурятском языке. Улан-Удэ, 1964.

9. Дондуков У.-Ж. Ш. Влияние русского языка на развитие и обогащение лексического состава бурятского языка. Улан-Удэ, 1974.

10. Жамбалсүрэн Н. Тибетские слова в монгольском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1961.

11. Коновалов П.Б. Этнические аспекты истории Центральной Азии (древность и средневековье) Улан-Удэ, 1999.

12. Коновалов П.Б. Две ветви монгольского этногенеза // VIII Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, 5-12 августа 2002 г.). Доклады российской делегации. М., 2002. С. 60-66.

13. Рассадин В.И. О тюркизмах в бурятском языке // К изучению бурятского языка. Улан-Удэ, 1969. С. 129-134.

14. Рассадин В.И. Тюркизмы в халха-монгольском языке // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Улан-Удэ, 1970. Вып. V. С. 52-58.

15. Рассадин В.И. Об этимологии некоторых бурятских диалектных слов // Исследование бурятских и русских говоров. Улан-Удэ, 1977. С. 127-142.

16. Рассадин В.И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М.: Наука, 1980.

17. Рассадин В.И. К сравнительному изучению анималистской лексики бурятского языка // Языки и фольклор народов Севера. Новосибирск: Наука, 1981. С. 97-119.

18. Рассадин В.И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М.: Наука, 1982.

19. Рассадин В.И. Тюркские лексические элементы в калмыцком языке // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. Улан-Удэ, 1983. С. 70-89.

20. Рассадин В.И. Бурятская животноводческая терминология как источник по исторической этнографии // Этническая история и культурно-бытовые традиции в Бурятии. Улан-Удэ, 1984. С. 55-80.

21. Рассадин В.И. Лексические особенности говора окинских бурят // Лексико-фразеологическое своеобразие бурятского языка. Улан-Удэ, 1985. С. 3-20.

22. Рассадин В.И. Влияние тюркских и тунгусо-маньчжурских языков на формирование лексического состава бурятского языка // Актуальные проблемы современного монголоведения. Улан-Батор, 1987. С. 169-187.

23. Рассадин В.И. Промысловая лексика в говоре окинских бурят // Диалектная лексика в монгольских языках. Улан-Удэ, 1987а. С. 3-20.

24. Рассадин В.И. Особенности лексического состава нижеудинского говора // Развитие и взаимодействие диалектов Прибайкалья. Улан-Удэ, 1988. С. 43-68.

25. Рассадин В.И. О тюркском влиянии на развитие говора нижеудинских бурят // Проблемы монгольского языкознания. Новосибирск: Наука, 1988а. С. 62-75.

26. Рассадин В.И. О тунгусо-маньчжурских элементах в монгольских языках // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. Новосибирск: Наука, 1989. С. 145-152.

27. Рассадин В.И. Об этимологии некоторых бурятских

шаманистических терминов // «Банзаровские чтения», посвящ. 170-летию со дня рожд. Доржи Банзарова. Улан-Удэ, 1992. С. 125-129.

28. Рассадин В.И. Проблемы исторического словообразования монгольских языков // Историко-сравнительное изучение монгольских языков. Улан-Удэ, 1995. С. 120-131.

29. Рассадин В.И. О двух вариантах этимологии монгольского слова *загас* «рыба» // Владимирцовские чтения-III. М., 1995а. С. 191-193.

30. Рассадин В.И. Присянская группа бурятских говоров. Улан-Удэ, 1996.

31. Рассадин В.И. О некоторых древних монгольских словообразовательных моделях // Монгол хэл шинжлэл. Улаанбаатар, 1997. Боть III (XXV). С. 85-94.

32. Рассадин В.И. Некоторые проблемы этимологизации слов монгольского языка // VII Международный конгресс монголоведов. (Улан-Батор, август 1997 г.). Доклады российской делегации. М., 1997а. С. 151-153.

33. Рассадин В. И. Становление говора нижеудинских бурят. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999.

34. Рассадин В.И. О характере тюрко-монгольских языковых отношений // Проблемы этнокультурных связей монгольских и тюркских народов. Улан-Удэ. 2004. С. 13-148.

35. Рассадин В.И. К истории тюрко-монгольских языковых связей // Исследователь монгольских языков. (К юбилею Б.Х. Тодаевой) / Серия «Калмыцкая интеллигенция». Элиста, 2005. С. 163-180.

36. Рона-Таш А. Общее наследие или заимствования? (К проблеме родства алтайских языков) // ВЯ, 1974. № 2.

37. Санжеев Г.Д. Маньчжуро-монгольские языковые параллели // Известия АН СССР, отд. гуманитар. наук, 1930, № 8. С. 601-626; № 9. С. 673-708.

38. Санжеев Г.Д. Б.Я.Владимирцов - исследователь монгольских языков // Филология и история монгольских народов / Памяти акад. Б.Я.Владимирцова. М, 1958. С. 12-40.

39. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. 2. Л., 1971.

40. Сухбаатар О. Санскритские элементы в монгольском языке. Автореф. канд. дисс. Улан-Батор, 1992.

41. Сухбаатар О. Монгол хэлний харь үгийн толь. Улаанбаатар, 1999.

42. Хазуев Н.А. Тибетизмы и их фонетическая адаптация в бурятском языке // Взаимовлияние языков в Бурятии. Улан-Удэ, 1978. С. 96-107.

43. Харькова С.С. Об одном критерии выявления тюркизмов в монгольских языках // Проблемы монгольского языкознания. Новосибирск: Наука, 1988. С. 75-82.

44. Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные / Историко-лингвистическое исследование. Улан-Удэ, 1972.

45. Цыдендамбаев Ц.Б. Об эвенкийских элементах в этническом составе и языке бурят // Взаимовлияние языков в Бурятии. Улан-Удэ, 1978. С. 79-95.

46. Цыдендамбаев Ц.Б. К взаимовлиянию русского и бурятского языков // Взаимовлияние языков в Бурятии. Улан-Удэ, 1978а. С. 49-54.

47. Цыдендамбаев Ц.Б. Заметки об этнических и языковых контактах бурят и эвенков // Языки и фольклор народов Севера. Новосибирск: Наука,

1981. С. 70-91.

48. Чимитдоржиева Г.Н. К проблеме бурятско-эвенкийских языковых контактов // Altaica II. Улаанбаатар, 2002. С. 76-86.

49. Чимитдоржиева Г.Н. Исторические связи бурятского и эвенкийского языков (на примере лексики). Автореф. канд. дисс. Улан-Удэ, 2003.

50. Чимитдоржиева Г.Н. Влиянии тунгусо-маньчжурских языков на бурятские говоры // История и внешние связи бурятского языка. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 96-107.